

ЛИЧНОСТЬ

ВРАТ республики

Реджеп Тайип Эрдоган сумел прослечь
ретроградом, не являясь им

ВЛАДИСЛАВ ВДОВИН

СТАМБУЛ

Демонстранты почти ушли со стамбульских улиц, а премьер Реджеп Тайип Эрдоган на них остался. Нельзя сказать, что город увешан его портретами, но на крупных магистралях нет-нет да и мелькнет реклама его правящей партии АКП (Партия справедливости и развития), а конкурентов не видно. Плакаты клеят по два или четыре сразу, крупным планом — голова с короткой стрижкой, жидкие усики, ясные глаза, активный жест. Башбакан — так его должность звучит по-турецки.

От эрдоганофилов не отстают и эрдоганофобы. Протесты, начинавшиеся в конце мая с экологических лозунгов и неприятия политики «ползучего исламизма», недели через три упростились до призыва «премьера в отставку». «Тайип истифа!» — кричат уличные сборщики подписей против Эрдогана, «Тайип с... х...», — требуют частично замазанные надписи на заборах. Тайипа ругают, но не видят ему реальной альтернативы. Согласно июньскому соцопросу компании MetroPoll половина страны считает реакцию премьера на протесты (называл недовольных мародерами и маргиналами) «конфронтационной и провоцирующей», но при этом 53,5% все еще поддерживают его политику в целом.

Электоратом партии Эрдогана иногда называют отсталых жителей деревень, но это неверно. Во-первых, побеждает он во многом за счет крупных городов (Стамбула, Анкары и Бурсы), во-вторых, процент сельского населения за годы правления АКП сократился с 34 до 28%, а голосов на

национальных выборах партия с каждым разом собирает все больше (35% в 2002 году и 50% в 2011 году). В-третьих, самое необразованное население проживает на юго-востоке Турции, где партия власти как раз малопопулярна, там голосуют за независимых курдских политиков.

Плохо работает и часто используемое определение партии Эрдогана как исламистской. Хороши исламисты, отвергающие шариат, поддерживающие либеральную экономику, партнерство с США и выступающие за членство в Евросоюзе. Сами лидеры АКП определяют курс своей партии как социал-консервативный и центристский.

В этом и состоит недооцененный феномен Эрдогана. Десять лет назад стране, одна половина которой почитает Аллаха, а другая, не менее истово, — безбожника Ататюрка, требовался прагматик, человек «ни вашим ни нашим», способный провести Турцию между Сциллой и Харибдой — исламизмом и клановыми интересами старой кемалистской элиты — к многолетнему экономическому росту и более открытому обществу.

Эрдоган или кто-то другой должен был совершить в Турции нулевых годов именно ту работу, которая была проделана: модернизировать страну, повысить уровень жизни, приблизить законы и госорганы к европейским стандартам, расширить права политических, религиозных и национальных меньшинств. И в итоге получить на свою голову обвинения в «отходе от идей Ататюрка» и авторитаризме.

ПРОТЕСТУЮЩИЕ В СТАМБУЛЕ ЗАЩИЩАЛИСЬ ОТ СЛЕЗОТОЧИВОГО ГАЗА ЛЮБЫМИ СРЕДСТВАМИ

Полезьа от Европы

Получив премьерский пост в начале 2003 года, Эрдоган проехал с визитами по странам Европы, объявил себя «проевропейским демократом», пообещал грекам решение кипрской проблемы (которое так и не выполнил), кого-то обрадовал, а кого-то напугал намерением присоединить Турцию к ЕС и занялся сближением законов республики с европейскими. За несколько лет правительство Турции отменило смертную казнь, расширило культурные права курдов, улучшило положение заключенных, занялось проблемой ранних принудительных браков в сельской глубинке. Вряд ли и сейчас можно сказать, что вопрос ущемления прав хоть какого-то из меньшинств в Турции решен окончательно, но Запад засчитал попытку — в 2004 году Эрдоган получил германскую «Квадригу», был назван журналом *European Voice* «европейцем года», а американским *Time* — «строителем мостов между Востоком и Западом».

Международная популярность энергичного турка сопровождалась экономическими успехами страны. За первые шесть лет премьерства Эрдогана иностранные инвестиции выросли в 20 раз до ежегодных 20 млрд долл., экспорт увеличился вчетверо, причем во многом усилиями консервативных городов (таких как Кайсери, Газиантеп, Конья), где сложилась деловая культура «исламского кальвинизма» (мусульманская вера плюс западное образование и умение работать на внешнем рынке). Подушевой ВВП (с учетом паритета покупательской способности) с 2002 года вырос более чем вдвое до 15 тыс. долл. (данные МВФ). В нулевые годы Турция обзавелась новыми скоростными шоссе и железными дорогами, построила почти полмиллиона жилых домов, реконструировала центры десятков городов.

На этой волне в 2007 году Эрдоган выиграл второй премьерский срок, его АКП набрала на выборах убедительные 47% голосов.

Критики говорят, что ему просто повезло возглавить страну в начале хорошей экономической фазы, и добавляют про ораторский талант. Действительно, нужно видеть трансляции публичных выступлений Эрдогана. Он выходит на сцену без бумаг, берет в руки микрофон и говорит час или два, будто бы импровизируя, с отеческим теплом в голосе и задумчивыми паузами. Его речь не перегружена фактами, но наполнена эмоциями, он артистически меняет интонации, в нужные моменты переходит на крик, снова возвращается к задушевности и излучает уверенность в собственной правоте, которую, кажется, и называют харизмой. Можно понять чувства простой аناтолийской женщины, которая на недавнем правительственном митинге была так очарована Эрдоганом, что признала себя и других сторонников «волосами на его заднице».

Кемалисты, конечно, всегда ждали от Эрдогана подвоха, продолжали называть его исламистом и в случае чего были готовы к военному перевороту в свою пользу — с 1960 года в Турции такое происходило три с половиной раза, включая политический кризис 1997 года, когда генералы формально не захватывали власть, убедив премьера Неджметтина Эрбакана уйти по-хорошему. Но все те путчи происходили под лозунгом вестернизации, а хитрый Эрдоган перехватил его еще в первые годы правления. И — раз — провел закон, делающий военный бюджет более прозрачным. И — два — резко сократил полномочия Совета безопасности, понизив его статус от почти параллельного правительства людей в погонах до консультативного органа при премьер-министре и президенте. Ну мы же, мол, теперь почти европейские люди, зачем нам лишние властные органы? ЕС поддержал эти реформы в числе других, а генералы заволновались, попытались опять что-то затеять — и в 2007–2008 годах грохнуло дело «Эргенекона». Несколько сотен военных получили обвинения в поддержке терроризма и подготовке путча против прозападного, демократически избранного и популярного политика Реджепа Тайипа Эрдогана. Так он избавился от единственного сильного из своих противников.

Более 50%
респондентов турецких соцопросов
поддерживают Эрдогана,
но считают его реакцию на протесты
«конфронтационной»

Старый «новый османнизм»

Примерно начиная с 2009 года мы узнали другого Эрдогана, который реже говорит о европейском выборе (хотя не оставляет эту тему) и чаще — о важности отношений со странами Ближнего Востока, Кавказа, Средней Азии. Принято называть этот курс «новым османнизмом», но вообще-то у АКП такого термина нет, его придумали греки в 1974 году по другому поводу.

Тайип стал более категоричным в словах и резким в манерах. Кто-то объясняет перемену возрастом и болезнью турецкого лидера, другие говорят о его выросшей самоуверенности в отсутствие политических конкурентов, третьи — о коварстве и давнем тайном плане сворачивания кемализма, четвёртые не заметили перемен и проголосовали за партию Эрдогана в третий раз в 2011 году. Все эти точки зрения по-своему верны, включая последнюю.

Тон западных СМИ по отношению к турецкому лидеру похолодел. Эрдогана вдруг стали называть авторитарным и слишком азиатским — хотя вообще-то в истории страны не было неавторитарных лидеров, а весь «новый османнизм» на практике пока привел лишь к непопулярному в самой Турции, но выгодному США замораживанию отношений с сирийским лидером Башаром Асадом.

Тем временем внутри страны хозяин-владелец Эрдоган затеял несколько крупных инфраструктурных проектов, многие из которых связаны с родным для него Стамбулом. В 1990-х годах он вырос как политик на посту мэра города и теперь лично контролирует расширение сети стамбульского метро, строительство соединяющего Европу и Азию железнодорожного тоннеля, собирается возводить третий аэропорт, третий мост через Босфор (экологи резко против) и канал — дублер легендарного пролива. Ну и куда же без Олимпиады — Стамбул претендует на право провести ее в 2020 году.

Кроме великих строек, премьер-министр много занимается правами национальных и религиозных меньшинств: ведет переговоры с курдами и алавитами, выделяет деньги на реставрацию армянских древностей, приветствует православного патриарха Варфоломея. Результатов на любом из этих направлений, впрочем, мало. Лучше пока получается защищать религиозных женщин — после нескольких лет горячих дебатов турецким студенткам разрешили посещать вузы в мусульманских платках, и, как следствие, начали шириться разговоры о «ползучем исламизме» и «предательстве заветов Ататюрка».

Наломал стрел

Мустафа Кемаль Ататюрк сформулировал в 1923 году свои «шесть стрел» — базовых принципов Турецкой Республики, которые и составляют с тех пор идеологическую основу кемализма: республиканский строй, национализм, народность, государственничество, секуляризм и реформизм. Давайте посмотрим, какие из них за 10 лет премьерства успел нарушить Реджеп Тайип Эрдоган.

Его противники в первую очередь скажут: секуляризм и будут неправы. Люди постоянно путают секуляризм и атеизм, но светскость — это всего лишь отделение религии от государства, независимо от того, какой веры придерживаются его руководители. Эрдоган всегда выступал на словах и на деле за соблюдение этого принципа, и не только перед внутренней аудиторией, но также, например, перед «Мусульманскими братьями» во время визита в Египет в 2011 году. Эрдоган — светский правитель, а того, кто это отрицает, попросите назвать хотя бы одно его антисекулярное решение. Вам расскажут про запрет на рекламу и ночную продажу алкоголя (в России введен раньше, чем в Турции), про мусульманок, которым хотят разрешить при желании ходить в платках на госслужбу (пока запрещено),

Эрдогану указывают на желание стать «падишахом», изменив парламентскую республику на президентскую

и про идею построить мечеть на центральной стамбульской площади Таксим. Кстати, сейчас единственным сооружением культа, которое вы видите, придя в эту важную точку города, является православная греческая церковь.

Кажется, нет у Тайипа особых косяков в отношении национализма и государственничества, а уж с народностью у популярного выходца из рабочего района Касымпаша точно не хуже, чем у богатых элитистов-кемалистов. И да, он делом доказал свой реформизм, хоть и является консервативатором.

Наконец, по поводу республиканизма. Эрдогану часто указывают на желание стать «падишахом», изменив конституционный строй с парламентской республики на президентскую. Такой проект у турецкого лидера есть, но не похоже, что он сумеет его провести через парламент, против выступает не только оппозиция, но и некоторые его товарищи по партии. Да и трудно понять нам, живущим в президентской республике, чем уж она так плоха сама по себе. Ататюрк, кстати, был президентом, а понизили статус этой должности через 12 лет после его смерти.

Молодая кровь

За что же тогда премьер-министра не любят выходившие на массовые протесты сотни тысяч граждан? Понятно, что частично беспорядки подогревают желающие реванша кемалисты (за страшилкой «ползучего исламизма» так и торчат их уши), но, насколько можно судить, далеко не все бунтари хотят способствовать их возвращению во власть. В Турции выросло замечательное молодое поколение неравнодушных романтиков, воспитанное на мощно культивируемом патриотизме, достаточно многочисленное (среднему жителю страны 28 лет), по-южному энергичное, ощущающее свою силу, но не находящее по-настоящему большого дела для ее применения. Им мало просто голосовать раз в четыре года, они хотят вмешиваться и влиять непосредственно, как привыкли в Сети, они зна-

ют об «оккупациях» и твиттерных революциях. Им кажется ужасно архаичной вся эта система политики по телевизору, когда один человек в нелепом для жаркого лета костюме долго говорит, а миллионы только слушают. И вот им попадаетея под руку частный (хоть и единственный на памяти самых молодых) случай в виде Эрдогана, десять лет уже правящего Эрдогана, а за это время столько всего произошло, появились Facebook и Google Maps, сменились пять поколений айфона, целая жизнь, в которой теперь ничего не продолжается долго и все быстро меняется, но Эрдоган продолжает выступать с трибуны.

И когда в конце мая он отдает (или делегирует) нелепый приказ жестко разогнать защищающих деревья в парке экологов, эти прекрасные, симпатичные парни и девушки (примерно пополам) поднимаются на защиту. А власть после первых двух-трех дней испуга выбирает далеко не самую жестокую тактику — рассеивание газом и струями воды. А это — очередная причина вновь выходить на протест и продолжать «троллить» Эрдогана.

В общем, после нескольких недель наблюдений за протестами с близкого расстояния, иногда из самих постепенно редущих колонн бунтарей (в июне на Таксим выходили десятки тысяч, сейчас — пара-тройка), иногда из-за спин полиции (здесь очень просто поменять точку обзора, обойдя места противостояний по ближайшему переулку), в этих протестах видится не так уж много специфически турецкого, а скорее поколенческое.

Для власти действующего премьер-министра это пока вряд ли опасно, протестанты не настроены на слом системы, им есть что терять, а другого сильного харизматика в турецкой политической колоде не видно. Но на компромиссы идти придется. Похоже, о проекте восстановления османской казармы на Таксима, с которого все началось, Эрдогану теперь лучше забыть. А впереди еще очень трудная история с третьим босфорским мостом, где на кону уже не отдельные деревья, а экология целых стамбульских районов. Вот где будет гражданское противостояние. **МП**